

ГЛАВА 13. ИЮЛЬ III

1

Меня снова стали мучить ночные кошмары.

Не те, что были раньше. Теперь я уже не винил себя за то, что начались «катастрофы», не твердил себе, что «это все из-за меня»...

Кто мертвый?

Я стою один посреди черноты и без конца повторяю этот вопрос.

Кто мертвый?

В ответ одно за другим появляются лица.

Кадзами. Тэсигавара. Мотидзуки. Ребята, с которыми я более-менее подружился с тех пор, как сюда переехал.

Маэдзима из секции кендо. Мидзуно-младший. Вакуй, сидящий в классе прямо передо мной. Акадзава. Сугиура. Накао. Огура... парни и девчонки, с которыми я не особо общался, но чьи имена уверенно ассоциировал с лицами.

И... еще Мей.

И другие ребята из класса 3-3 – много ребят. Который же из них – «лишний» / «мертвый» этого года?

Лица одно за другим всплывают из черноты в случайном порядке. Потом их контуры растекаются, лица преображаются во что-то отвратное, воняющее гнилью. Они становятся как стандартные «страшные лица», которые гримеры делают для всех фильмов ужасов. А потом –

Лицо, которое всегда появляется последним, – мое собственное, лицо Коити Сакакибары.

Мое собственное лицо, которое я вижу только в зеркале и на фотографиях. Его контуры тоже расплываются, и я вижу страшную рожу, самую страшную в целом мире...

...Я?

Это я?

Может, я и есть «мертвый», который проник в класс, не сознавая того, что «мертвый»? Не, нереально.

Вцепившись руками в собственное расплывшееся лицо, я испускаю тревожный стон... и просыпаюсь. И вот так – каждую ночь...

Я же не могу и правда оказаться «мертвым»?

Я пытался подобраться к этому вопросу со всех мыслимых сторон... вот как и сейчас.

«Мертвый» не осознает, что он (или она) «мертвый». Он существует благодаря искажению и изменению воспоминаний, которые внушают: «Я не мертв. Я жив и всегда был жив». А раз

так...

Значит, может получиться, что я и есть он?

В начале апреля в этом году парт и стульев в классе было достаточно. Начался май, и одного комплекта стало не хватать. Потому что я перевелся после начала триместра.

Я был тем, кто внезапно увеличил численность класса на единицу. И если это значит, что я и есть «лишний» / «мертвый»...

Может, я просто не признаю этого сейчас, а на самом деле я умер, скажем, в прошлом году или в позапрошлом, а мои бабушка с дедушкой, и Рейко-сан, и отец, и все остальные просто забыли об этом, и все записи изменились, так что все сходится...

...Стоп, секундочку.

Я резко замотал головой и прижал руку к груди. Убедившись, что сердце неумолимо бьется, я успокоился и снова принялся все обдумывать.

Базовые правила касательно «лишнего» / «мертвого», которые рассказали Тибики-сан и Мей.

«Мертвый» - всегда кто-то из тех, кто в прошлом лишился жизни из-за «феномена».

Жертвами «катастроф» становятся только люди, относящиеся к классу 3-3, и их кровные родственники до второго колена. Однако даже при этом если человек находится вдали от Йомиямы, он вне группы риска.

Каковы мои шансы в свете этих правил?

Чтобы потерять жизнь из-за «феномена», я должен был хоть какое-то время жить в этом городе раньше. И при этом либо учиться в классе 3-3 Северного Ёми, либо учиться должен был мой родственник до второго колена. Однако ни того, ни другого не было.

Когда мама училась в третьем классе - это, конечно, само собой разумеется, но все же - меня еще не было на свете. Когда в третьем классе училась Рейко-сан, я как раз родился (это было весной), но Рейко-сан приходилась мне тетей, а это три колена. Стало быть, я не попадал в «зону покрытия». Моя мама Рицко попала, а я нет...

Пятнадцать лет назад в июле мама умерла; я, ее единственный ребенок, все эти годы прожил с отцом в Токио. Без малейшей связи с классом 3-3 Северного Ёми. Сейчас, в апреле, я начал последний учебный год в средней школе и впервые приехал в Йомияму...

...Невозможно.

Дзззззз... Вдруг из ниоткуда возник загадочный низкий звук. Что это? Меня пронзила вспышка беспокойства, но тут же исчезла без следа.

Невозможно, снова сказал я сам себе.

Да, я просто никак не могу быть «мертвым».

Уверен, Кадзами и Сакураги убедились в этом еще тогда, когда пришли навестить меня в больнице.

Да, их вопросы в тот день...

«Ты в Йомияме не жил раньше?»

«Просто подумала, вдруг ты здесь жил когда-нибудь, пусть даже давно».

«А когда бывал, останавливался надолго?»

Мне еще тогда эти вопросы показались странными; теперь же я понимал, что ребята прощупывали, не могу ли я, новенький, оказаться «мертвым».

А под конец Кадзами предложил обменяться рукопожатием.

- Это тоже часть проверки, - объяснила Мей перед самым началом каникул. - Если пожмешь руку «мертвому» при первой встрече с ним, его рука окажется ледяной. По крайней мере так говорят. Но это сомнительная версия. Тибики-сан говорит, что это просто один из дурацких слухов, у него нет никаких подтверждений.

Но предположим, что я действительно «мертвый» и что Кадзами с Сакураги в тот день это поняли. Что они собирались предпринять в таком случае?

Этот вопрос не давал мне покоя, однако Мей ответила и на него.

- Тогда, думаю, как только ты впервые появился бы в школе, они бы сделали тебя «несуществующим» вместо меня.

- Меня?

- Да. И все бы игнорировали «лишнего», которого не должно было быть в классе изначально. Получилась бы очаровательная симметрия. Это было бы гораздо лучше, чем назначать «несуществующим» кого попало.

- И тогда «катастрофы» бы не начались?

- Возможно.

- Тогда... - я выплюнул вопрос, родившийся у меня внезапно. - Что если мы в конце концов вычислим «мертвого»? Если сразу же назначим его «несуществующим»...

- Я уверена, что это не поможет, - с легкостью развенчала мои надежды Мей. - «Катастрофы» уже начались. Как бы мы ни старались привести ситуацию в порядок, поезд уже ушел.

2

Вечером четвертого дня летних каникул, 25 июля, я впервые за долгое время поговорил с сидящим в далекой Индии отцом.

- Приветик. У тебя там уже каникулы, да? Как дела вообще?

Первая фраза отца прозвучала беззаботно, как всегда. Ну да, он-то не подозревал, что тут у нас творится.

- Да вроде нормально.

И я тоже ответил своим обычным тоном. Меня не покидало ощущение, что рассказывать ему о здешних проблемах было бы неправильно. Не говоря уже о том, что, даже если я ему расскажу, это вряд ли что-то изменит.

- Кстати, Коити, ты помнишь, какой послезавтра день?

От этого вопроса у меня на секунду сердце остановилось. Но я изо всех сил постарался ответить как ни в чем не бывало.

- Уаа, так ты не забыл?

Голос отца зазвучал чуть громче.

- Ну конечно.

Послезавтра, 27 июля, будет годовщина ее смерти. Моей мамы Рицко, скончавшейся пятнадцать лет назад в этом самом городе.

- Ты ведь сейчас в Йомияме, да? - уточнил отец.

- Да.

- Не собираешься поехать в Токио?

- Ты хочешь, чтобы твой сын туда в одиночку поехал навестить ее могилу?

- Нет, ничего невозможного я от тебя не хочу. Мы же это заранее не обговаривали.

- Угу. Я сам не очень уверен, что мне делать...

Прах мамы покоился не в Йомияме, а в Токио, в склепе семьи Сакакибара. Каждый год мы с отцом ходили туда вместе. Сколько я себя помню, ни одного раза мы не пропустили.

- То есть я вообще-то подумывал самостоятельно вернуться в Токио хоть на пару дней...

У меня мелькали мысли свалить отсюда в Токио не «на пару дней», а на все каникулы. Потому что, сидя вдалеке от Йомиямы, я смогу хотя бы не париться насчет подстерегающих меня несчастных случаев и прочих бед. И все же -

- Но решил, что не поеду, - продолжил я. - Мама ведь здесь родилась и здесь же умерла. Поэтому, думаю, мне не нужно ехать аж в Токио, только чтобы навестить ее могилу.

- Все верно говоришь, - тут же поддержал меня отец. - Ладно, передавай привет старикам. Я им скоро сам позвоню.

- Ладно.

Были причины, почему я не собирался в Токио на летние каникулы. Главная из них... скорей всего, Мей. Меня как-то отталкивала идея оставить ее здесь, в городе, а самому выбраться из «зоны охвата».

Кроме того, меня не отпускали мысли о летнем лагере в августе. Разве это не мой долг - участвовать во всех мероприятиях, которые могут положить конец «катастрофам»? Это чувство становилось все сильнее, хоть и не находило выхода в виде слов.

- Слушай, пап, - я вспомнил один вопрос, который давно уже хотел задать ему при случае, и чуть сменил тон. - Можно спросить кое-что про маму?

- Хм? Она была настоящая красавица, твоя мама. И отлично разбиралась в мужчинах.

- Я не об этом...

Во время прошлого разговора с отцом я затронул тему класса 3-3 Северного Ёми, но, похоже, никаких воспоминаний в нем это не пробудило. Значит ли это, что мама никогда не рассказывала отцу о «проклятии класса 3-3»? Или же она рассказывала, а он забыл? Сказать что-то определенное я никак не мог.

- Ты когда-нибудь видел мамины фотки времен средней школы?

Я живо представил, как отец на той стороне звонка, услышав мой вопрос, склоняет голову набок.

- Ты, кажется, уже что-то спрашивал про учебу Рицко в средней школе, да?

- Просто я сейчас хожу в ту же школу, и я подумал...

- Я точно помню, что она мне показывала свой выпускной фотоальбом во время помолвки. И из старшей школы тоже. Она была настоящая красавица, твоя мама.

- Эти альбомы сейчас в Токио?

- Угу. Думаю, в чулане где-то.

- А другие фотки есть?

- Хмм?

- Другие мамины фотографии, кроме выпускных фотоальбомов. Остались еще какие-то фотки времен средней школы?

- Мне кажется, я ничего не выбрасывал... Но были ли у нее еще какие-то фотографии из средней школы, кроме альбома? Хм. Вообще-то она не очень любила фотографии коллекционировать.

- Тогда, значит... - мне пришлось выдавить этот вопрос из горла силой, - ты не видел ту фотку? Когда они только выпустились из школы и вместе снялись у себя в классе?

- Нууу...

На несколько секунд повисло молчание, разбавляемое лишь потрескиванием на линии.

- А что с ней такое? - наконец осторожно спросил отец.

- Ммм... - забормотал я. - Ну, в смысле, я слышал, какая-то странная была фотка. Паранормальная или вроде того.

- Паранормальная фотка? - в голосе отца прозвучала тень раздражения. - Не знаю, откуда пошли такие слухи, но - Коити, ну ты даешь. Ты что, всерьез воспринимаешь такие вещи? Вот уж не подумал бы, что ты попадешься на слухи о паранормальных фотографиях...

- Не, я просто... в смысле...

- ...Хм? - перебил отец, и его тон вдруг изменился. - Постой-ка. Погоди секунду, Коити. Хмммм. Если подумать - возможно, Рицко действительно что-то такое мне говорила когда-то давно.

- Правда? - моя рука крепче сжала трубку. - И что она говорила?

- Она сказала, что у нее есть какая-то странная фотография. То ли с привидением, то ли еще с чем-то таким. И... ну да - как раз со средней школы...

- А ты ее видел когда-нибудь?

- Нет, - понизив голос, драматично ответил отец. - Я в основном пропустил ее слова мимо ушей. Я не говорил ей, что хочу посмотреть, не просил ее показать мне, ничего такого. И потом, она сказала, что терпеть не может держать эту фотографию при себе, и поэтому оставила ее в доме у родителей.

- Здесь? - я едва не взвизгнул. - Ты хочешь сказать, она здесь, в этом доме?

- Ну, вообще-то я не знаю, там ли она до сих пор.

- А, да... конечно, - ответил я, одновременно думая: «Надо будет обязательно узнать у бабушки».

Может, фотка сейчас в комнате, где жила мама до того, как вышла замуж, а может, ее убрали в чулан. Или еще куда-нибудь. А может, мамины старые вещи вообще никуда не убрали, и они где-то рядом. И, может, там, среди них...

- Эй, Коити, там ничего странного не произошло? - спросил отец. Думаю, он заметил мое необычное поведение.

- Не, ничего. Все в порядке, - быстро ответил я. - Просто, знаешь, тут малость скучновато, так сказать. О - но у меня тут есть пара друзей, а в следующем месяце у нас будет летний лагерь, так что вот.

- ...Понятно, - голос отца стал необычно сдержанным. - Твоя мама правда была совершенно очаровательным человеком. И мои чувства к ней даже сейчас несколько не изменились. Знаешь, Коити, ты очень -

- Знаю, знаю, - как-то нервно я его перебил. Если он закончит фразу чем-то вроде «я люблю тебя, сын», я начну беспокоиться, не повредила ли индийская жара его мозги. - Я тебе еще позвоню.

И, уже нащупывая большим пальцем кнопку разъединения, тихонько добавил:

- Спасибо, пап.

3

Тэсигавара позвонил - «Надо поговорить. Можешь пересечься прям щас?» - в начале следующей недели. Ровно в день годовщины маминой смерти - выбрал же время.

Я к его предложению отнесся без энтузиазма, что сподвигло Тэсигавару на игривое замечание: «Что, свиданка с Мей-тян?» Ох уж этот тип... то ли у него язык быстрее мозгов работает, то ли

просто ветер в голове... Впрочем, я уже достаточно хорошо знал его характер, чтобы не злиться на него за это.

Встречу он назначил в кафешке под названием «Иноя», расположенной в районе Тобии, недалеко от школы. И почему-то сказал, что Мотидзуки тоже придет.

О чем-то там он хотел поговорить со мной лично. И если у меня действительно свидание, – чтобы я привел и Мей тоже, потому что тема разговора касается всего класса... Вот все, что он мне сказал. И как после этого я мог не явиться?

Получив от него указания, как добираться, я тут же вышел из дома.

Под палящим летним солнцем я поехал в Тобии на автобусе. Затем, истекая потом, зашагал по маршруту, продиктованному Тэсигаварой. Добрался я в итоге где-то за час. Кафе «Иноя» располагалось на первом этаже дома на набережной реки Йомияма, на мой взгляд, чуток чересчур фешенебельного для этого района. Судя по всему, днем здесь было кафе, а по ночам оно превращалось в бар.

Стремясь побыстрее избавиться от жары, я вбежал внутрь. И, едва успев ощутить облегчение от встречи с кондиционированным воздухом –

– Привет. Мы уж заждались, Сакаки.

Тэсигавара замахал рукой, приглашая меня к столу, где они вдвоем сидели. Он был в гавайке с кричащим ананасным орнаментом. Буду откровенен: редкостная безвкусица.

Сидящий напротив него Мотидзуки поднял глаза, как только я подошел, но тут же смущенно опустил. Он был в белой футболке с каким-то изображением на груди, и я в первый миг подумал: «Футболка с «Криком»?» Но там оказался портрет какого-то усатого типа, которого я вроде бы уже где-то видел.

Не успев даже подумать «блин, кто же это?», я разобрал буквы, идущие по диагонали под подбородком усатого типа.

Salvador Dali

Хмм. А его пристрастия не такие одномерные, как я думал.

Я сел рядом с Мотидзуки и окинул помещение быстрым взглядом. В отличие от внешнего вида здания, внутри все выглядело довольно просто. Какое-то ощущение ретро, что ли. Играла музыка – что-то медленное и джазоподобное, что я, как обычно, совершенно не мог идентифицировать. Да – очень приятное местечко, на мой вкус.

– Добро пожаловать.

Ко мне тут же подошла женщина лет двадцати пяти на вид, чтобы принять заказ. Ее одеяние барменши и длинные прямые волосы идеально вписывались в облик заведения.

– Вы тоже друг Юи-куна? – и она изящно поклонилась. – Спасибо, что заботитесь о братишке.

– Э?

– Я его сестра. Приятно познакомиться.

- А, ага. А я...

- Сакакибара-кун, да? Я про вас слышала от Юи-куна. ...Желаете что-то заказать?

- Ааа, это... чай со льдом. Лимонный, пожалуйста.

- Хорошо. Располагайтесь.

Позже я узнал, что она действительно была старшей сестрой Мотидзуки (с разницей в возрасте больше десяти лет), но от другой матери. Звали ее Томока, и она была дочерью предыдущей жены отца Мотидзуки, которая умерла. Несколько лет назад она вышла замуж и сменила фамилию на Иносэ.

Кафе «Иноя» принадлежало как раз ее мужу. Томока-сан заправляла делами днем, Иносэ-сан ночью - такое вот разделение труда и позволяло им справляться.

- Эта кафешка рядом со школой, и вот его друзьям тут всегда рады. Поэтому я сюда забегаю иногда. И тогда... я частенько натыкаюсь здесь на Мотидзуки, ага?

- Да, - тихо отозвался Мотидзуки на слова Тэсигавары.

- Ладно, к делу: почему мы тебя позвали, - Тэсигавара, до того сидевший расслабленно, выпрямился. - Мотидзуки, ты ему расскажи.

- А... ладно.

Мотидзуки промочил губы водой из стакана и протяжно вздохнул.

- Мы с Томокой-сан... у нас хоть и разные матери, но все равно мы кровные родственники... так что она может оказаться втянута в наши проблемы.

- Под «нашими проблемами» ты подразумеваешь «катастрофы» класса три-три? - уточнил я.

Мотидзуки твердо кивнул и продолжил:

- Поэтому я... я не мог ей не рассказать.

- Ты ей рассказал, что происходит?

- ...Да.

- Все подряд рассказал, да? - это Тэсигавара.

- Да. Почти все.

- Томока-сан... - Тэсигавара покосился в сторону стойки, где она стояла. - Она тоже училась в Северном Ёми. Она сказала, что была не в три-три, но кой-какие слухи все равно слышала. Поэтому, когда Мотидзуки ей все сказал, она сразу прониклась.

- Ведь уже действительно несколько человек умерло. И она тревожится за меня и других в моем классе, - добавил Мотидзуки, и его щеки порозовели. Вот, значит, в чем дело, пацан? Вот откуда взялся твой интерес к женщинам старше тебя?

- Но проблема сама не решится от того, что она тревожится. «Катастрофы», если начались,

уже не прекращаются. Что бы мы ни делали...

- Во, и Мотидзуки рассказал сестре о нашей ситуации и о летнем лагере в августе.

- ...Так.

- И в этом разговоре, - Тэсигавара снова выпрямился, - всплыла кой-какая новая информация. От Томоки-сан.

4

Кацуми Мацунага.

Так звали человека, который принес эту «новую информацию» исходно.

Он закончил Северную среднюю школу Йомиямы в 1983 году. То есть - одновременно с Рейко-сан. Более того, в последнем учебном году они с ней были в одном классе - в том самом классе 3-3.

Потом он закончил местную старшую школу и поступил в университет в Токио. После университета устроился в какой-то средний банк, но через пару лет уволился, вернулся в Йомияму, снова поселился в доме родителей и стал помогать с семейным бизнесом.

Он был завсегдаем «Инои».

- Мацунага-сан к нам заходит пару раз в неделю. Я знала, что он учился в Северном Ёми, но только в начале этого месяца выяснила, что он был именно в классе три-три...

Поскольку я зашел сюда впервые и раньше этой истории не слышал, Томока-сан принялась рассказывать ее лично.

- Я много чего услышала от Юи-куна и решила сама порасспрашивать. Я спросила Мацунагу-сана, был ли «лишний» в его классе, когда он учился. Он к тому времени уже успел прилично набраться. Он сразу вздрогнул, а затем...

Мацунага сидел у барной стойки и продолжал пить, не отвечая на вопросы Томоки-сан ни «да», ни «нет». Потом вдруг обхватил голову руками и запинаясь заговорил; история полезла из него сама, без понукания. Выглядело это как-то так:

««Проклятие» того года... Это было из-за...

Это... это не я.

Я не сделал ничего плохого...

Благодаря мне они все...

...Я их спас. Я их спас!

Я хотел кому-то рассказать.

Я просто должен был...

...Я оставил это там.

Я спрятал...

Я спрятал в классе...»

Он еле ворочал языком, со стоном вываливая слово за словом...

Дальше он уже так набрался, что впал в прострацию и молча покинул бар.

- Ничего не понимаю. Что это все значит? - вырвалось у меня.

Томока-сан смущенно склонила голову набок.

- Я не вполне уверена. То, что я только что рассказала, было на прошлой неделе; с тех пор Мацунага-сан заходил сюда еще два раза. Всякий раз я пыталась вернуть его к этой теме, но он ничего не помнит.

- В смысле, не помнит, что сам говорил?

- Да. Сколько бы я ни спрашивала, он всякий раз делал недоумевающее лицо и говорил, что ничего не знает.

- ...

- У меня сложилось впечатление, что он помнит, что пятнадцать лет назад в классе три-три происходили «катастрофы» из-за «проклятия». Но самое важное для нас - кто в том году был «лишним» и почему «катастрофы» прекратились - он не помнит.

- Как вы думаете - может, он все знает, но просто не хочет говорить?

- На это было непохоже, - Томока-сан вновь склонила голову набок. - В тот вечер он был настолько пьян, что, возможно, случайно ухватил какую-то тень воспоминания. Так мне показалось.

Начиная с определенного момента воспоминания о «мертвом» у всех вовлеченных тускнеют и исчезают. Почти наверняка это произошло и с Мацунагой-саном, бывшим учеником класса 3-3.

Сейчас, пятнадцать лет спустя, похоже, какой-то фрагмент воспоминания пробудился в его пьяном мозгу. А что? Нельзя ведь с уверенностью утверждать, что это невозможно. Такое у меня сложилось мнение на этот счет.

- В этом что-то есть, скажи? - и Тэсигавара заглянул мне в лицо. - Въезжаешь, что это значит? - теперь он заглянул уже в лицо Мотидзуки.

Мотидзуки опустил глаза. Я, жуя соломинку в своем бокале с ледяным чаем, ответил:

- Угу.

Тэсигавара торжественно кивнул и сказал:

- Я не против сгонять в этот лагерь и попросить богов о помощи, но до тех пор, может, не стоит просто сидеть по углам?

- ...М?

- Тебя рассказ Томоки-сан ни на что не натолкнул? Что этот Мацунага пытался ей сказать?

- И что же?

- Он сказал «я их спас», так? Он сказал, что спас всех. И, чтобы кому-то сообщить, оставил «это».

- И спрятал в классе?

- Точно. Причем втихаря - то есть никто не знает, где именно. Я без понятия, что это за «это», но оно точно как-то связано с «проклятием»... теперь сечешь?

- Если под таким углом смотреть, то да.

- Скажи? Скажи? - лицо Тэсигавары загорелось энтузиазмом. - Нужно пойти его искать.

- Эээ? - вырвалось у меня, и я повернулся к Мотидзуки, чтобы посмотреть его реакцию. Он опустил голову и весь съежился. Я развернулся обратно к Тэсигаваре и осторожно спросил:

- И кто будет искать?

- Мы, - ответил Тэсигавара. Судя по его лицу, ответ был совершенно очевиден. Хотя насколько он продумал свое предложение, мне оставалось неясно. - Я, Сакаки, ну и Мотидзуки. Это ведь он добыл информацию у Томоки-сан.

Все еще не разгибаясь, Мотидзуки протяжно вздохнул.

- Я хотел бы Кадзами тоже припрячь, но он только на вид такой серьезный. Он если с нами пойдет, будет трястись как маленький. Эй, Сакаки, почему б тебе не пригласить Мей-тян?

Я возмущенно поджал губы и сердито уставился на Тэсигавару.

- Кончай уже, а?

5

Так я ему ответил, но...

Всего час спустя я был в Мисаки, на кукольной выставке «Пустые синие глаза в сумраке Ёми». Я позвонил Мей сразу, как только попрощался с Тэсигаварой и Мотидзуки на выходе из «Иной». В таком душевном состоянии я просто не мог не позвонить.

Трубку взяла Кирика-сан. Как и в первый раз, полтора месяца назад, когда я туда позвонил, в ее голосе прозвучало легкое удивление - или неловкость, - но, как только я представился, она тут же меня узнала - «А, Сакакибара-кун» - и передала трубку дочери.

- Я сейчас недалеко от школы, - сказал я самым небрежным голосом, на какой только был способен. - Ничего, если я к тебе загляну?

Даже не спрашивая, почему я хочу зайти, Мей тут же ответила:

- Конечно. Давай снова встретимся в подвале выставки. Скорее всего, посетителей не будет.

- Договорились.

Бабушка Аманэ не стала брать с меня плату, и я направился напрямиком к лестнице в подвал. Мей уже была внизу. Она стояла у черного гроба у дальней стены, прямо возле куклы, так похожей на нее.

Одета она была по-спартански: джинсы в обтяжку и простая футболка. Причем футболка светлая, в тон платью куклы в гробу...

- Привет, - махнул рукой я. Потом подошел и задал вопрос, который меня уже долгое время занимал, но я не мог найти ответа. Собственно, он сам собой у меня вырвался. - Слушай, эта кукла... - я указал на куклу в гробу. - Ее ведь делали с тебя, да? Когда мы тут впервые встретились, ты сказала... что это только половина тебя? Но что это значит?

- Может быть, даже меньше половины, - отозвалась Мей. Ну да - она и тогда примерно так же сказала.

«Но она - только половина меня. Может быть, даже меньше».

- Она... - взгляд Мей скользнул по гробу. - Эта девочка - ребенок, который был у моей матери тринадцать лет назад.

- У Кирики-сан? Так она, значит, твоя младшая сестра?

Но Мей же говорила, что у нее нет сестер?

- Эта девочка была у нее тринадцать лет назад, но умерла, даже не родившись. Ей даже имя не успели придумать.

- Э...

«У тебя... есть старшая сестра или, может, младшая?»

Когда я задал этот вопрос, Мей лишь молча покачала головой. Если бы я сейчас спросил, почему, думаю, Мей ответила бы: «Потому что ты задал вопрос в настоящем времени».

- Да, делалась эта кукла с меня, но думала Кирика при этом о своем ребенке, которого она не смогла родить. Вот почему я только половина ее. Или даже меньше.

«Понимаешь, я одна из ее кукол».

Я вспомнил, как Мей описывала свои отношения с Кирикой-сан. Она говорила...

«Я живая, но ненастоящая».

Я совершенно ничего не понимал и не мог придумать, что сказать. Мей спокойно отошла от гроба и поинтересовалась:

- Кстати, что случилось? - она легко сменила тему. - Ты вдруг ни с того ни с сего позвонил. Что-то серьезное произошло?

- Ты удивилась?

- Немного.

- Понимаешь, я только что встречался с Тэсигаварой и Мотидзуки. Они попросили меня

подойти в кафешку, которой заведует сестра Мотидзуки.

- Вот как?

- И... в общем, я решил, что надо с тобой поговорить.

Мысленно я увидел вкрадчивую ухмылку Тэсигавары, без слов говорящую: «Значит, ты таки берешь с собой Мей-тян, э?» Опять же мысленно я одарил его сердитым взглядом... и продолжал это делать, пересказывая Мей новую информацию, услышанную в кафе «Иноя».

Когда я закончил, повисла короткая пауза, потом Мей спросила:

- Где он собирается искать?

- В старом здании, - ответил я. - Кабинет в нулевом корпусе, где раньше был класс три-три. Ты говорила, что там берут старые парты для тех, кого «нет», да?

- Да. Но знаешь, там на второй этаж подниматься запрещено.

- Ну, сейчас каникулы... Мы решили, что выберем время, когда там рядом никого не будет, и попробуем пролезть. Конечно, кто знает, что мы там найдем... может, вообще ничего. Но мы должны попытаться.

Мей вздохнула и откинула со лба прядь волос.

- Вы не собираетесь рассказать Тибики-сану? Наверняка он бы вам помог...

- Ага, я тоже считаю, что надо бы. Но Тэсигавара... не знаю. Он сейчас в режиме поиска приключений. Говорит, что мы все должны сделать сами, и вряд ли его можно переубедить.

- А... - уронила Мей и замолчала. Не может же быть, что ей это неинтересно... С этой мыслью я спросил:

- Ну так что, хочешь пойти?

- Искать в старом корпусе? - на губах Мей появилась тень улыбки. - Оставлю это мальчишкам. Все равно в этом деле должно быть немного участников.

- Тебе неинтересно? Даже не любопытно, что спрятано в том кабинете?

- Мне интересно, - тут же ответила Мей. - Если что-нибудь найдете, дай мне знать.

- Ну ладно...

- Все равно я с завтрашнего дня уеду на какое-то время.

- Уедешь?

- Отец вернулся, - по лицу Мей прошла тень. - И собирается всей семьей провести время на даче. Я от этого не в особом восторге, но так бывает каждый раз, и я не могу отказаться.

- У вас есть дача? Где?

- На море. Отсюда три часа на машине.

- Не в Йомияме?

- Ну да. Или ты видел в Йомияме море?

- Значит, на время каникул уезжаешь?

Мей решительно покачала головой.

- Я вернусь через неделю.

- Тогда...

- Я никому из моих не рассказывала о «катастрофах». И я собираюсь поехать в лагерь, когда вернусь.

- ...А.

После этого я еще немного порассказывал о своих делах. Мей в основном слушала молча, лишь иногда ее правый глаз спокойно улыбался.

- Ты опять пытался понять, можешь или нет сам оказаться «мертвым»? – первое, что спросила Мей, когда я замолчал. – Насколько серьезно ты все продумывал?

- ...Достаточно серьезно. Стоит только начать об этом думать, и уже не остановишься.

- Но ты уже разобрался со своими сомнениями?

- Мм, более-менее, – я неопределенно кивнул.

Мей неспешно развернулась и без единого слова исчезла за черным гробом.

Что она делает? Я поспешил следом за ней. Она что, хочет подняться на лифте, который тут установлен?

Едва я обогнул гроб, у меня вырвалось «ай!». До этого момента я не замечал, что тут кое-что изменилось.

Раньше темно-красная портьера висела прямо за гробом, но теперь гроб был выдвинут вперед. А в пространстве между ним и портьерой –

Стоял второй гроб.

Такой же формы, такого же размера... Отличался только цвет: этот гроб был красным. Стоял он «спина к спине» с черным.

Я услышал голос Мей:

- Она работает наверху над новой куклой. Думаю, она собирается поместить ее в этот.

Голос, похоже, доносился из «этого», как выразилась Мей.

Между красным гробом и колышущейся из-за кондиционера портьерой оставалось немного места. Я медленно двинулся вперед. Отодвинув правым плечом портьеру, я заглянул в новый гроб.

Мей была там.

В такой же позе, как кукла в черном гробу. Ей было тесновато, но она чуть подогнула колени и съежила плечи.

- ...Ты не «мертвый».

Когда я заглянул в гроб, ее лицо оказалось в считанных сантиметрах от моего. Она сняла повязку с левого глаза – непонятно, когда успела. «Глаз куклы», пустой и синий, смотрел прямо на меня.

- Расслабься.

Она говорила шепотом, но при этом с неким напором. Не очень в своем стиле.

- Это не ты, Сакакибара-кун.

- Т-ты... ээ...

Она была чересчур близко. Я попытался отодвинуться, слишком резко отшатнулся и потерял равновесие. Моя спина тут же стукнулась обо что-то твердое – о дверь лифта, спрятанную за портьерой.

- А что с фотографией твоей мамы? – спросила Мей, по-прежнему оставаясь в гробу. – С той групповой фотографией в день выпуска? Ты говорил, что она может быть в доме твоих бабушки и дедушки. Ты ее нашел?

- Нет, пока нет...

Я уже спросил бабушку, и она сказала, что поищет.

- Когда найдешь, дашь посмотреть?

- Конечно, не вопрос.

- Тогда...

Мей наконец выбралась из гроба и снова пошла в середину комнаты. И опять мне оставалось лишь неуверенно двинуться за ней.

- Вот, – Мей развернулась и протянула мне что-то. – Если что-то случится, позвони по этому номеру.

Это была карточка, похожая на визитку, с контактной информацией выставки. Номер, о котором сказала Мей, был написан на обороте карандашом.

- Это... – я взял карточку и посмотрел на цифры на обороте. – Телефонный номер? От мобильного?

- Да.

- От твоего мобильного?

- Да.

- У тебя он есть? Я думал, ты их считаешь ужасными машинками?

- Это и есть ужасные машинки, - правая бровь Мей дернулась от отвращения. - Когда ты двадцать четыре часа в день связан со всем миром по радио - это гадость. Хотела бы я, чтобы у меня этой штуки не было.

Я пристально смотрел ей в лицо.

- Хотела бы я, чтобы у меня ее не было, но... - повторила Мей, потом уныло продолжила: - ...Но она заставляет меня ее таскать.

- В смысле... Кирика-сан?

- Иногда она вдруг начинает безумно беспокоиться... так что она единственная, с кем я по этому телефону говорю. Никогда еще ни с кем другим по нему не говорила.

- Хм.

Я снова взглянул на телефонный номер, написанный на карточке; меня не покидало ощущение нереалистичности. Мей вновь скрыла «глаз куклы» под повязкой и тихонько вздохнула.

- Если найдешь фотографию или что-нибудь в классе, позвони. Прямо на этот номер.

6

Еще до поступления в начальную школу - мало что помню из того времени - я смотрел фильм под названием «Дракула». Это был один из самых известных фильмов британской киностудии Hammer Film Productions, снятый задолго до моего рождения. Первый на моей памяти фильм ужасов. После этого я все время смотрел - вынужденно - многочисленные фильмы про Дракулу, которые мой отец обожал и потому коллекционировал.

Несмотря на юный возраст, у меня уже тогда появились вопросы.

Почему солнце садится сразу же, как только главный герой попадает в замок Дракулы?

Дракула - ужасный монстр, но у него столько слабых мест. Главное из них - уязвимость к солнечному свету. Среди бела дня с ним вообще бы не было проблем. И вот главный герой собирается сражаться с Дракулой - почему же он так выбирает время для похода в замок, что оказывается на месте прямо перед закатом?

Сейчас я отлично понимаю, почему. Ответ - «для продвижения сюжета», естественно. Но тем не менее.

Звучит странно, но, когда мы с Тэсигаварой и Мотидзуки составляли план проникновения на второй этаж нулевого корпуса, это мне вспомнилось в первую очередь.

Нарочно ждать ночи, прежде чем туда идти, - сумасшествие какое-то. Мы, конечно, шли не с вампирами воевать, но все равно - пока мы будем там, наверху, солнце должно оставаться на небе. В этом я был совершенно убежден.

Тэсигавару невозможно было уговорить идти в середине дня. И рано утром туда проникать «тоже как-то не так», по его заявлению.

Впрочем, вопрос был не только в том, что ему нравилось больше. Следовало выбрать

правильное время, чтобы трое третьеклассников, шляющихся возле школы во время летних каникул, не очень привлекали внимание. Это тоже следовало держать в уме. Короче, в конце концов –

Сложив вместе наши распорядки дня, мнения и все такое прочее, мы пришли к компромиссу: отправимся 30 июля в три часа дня. Закат будет незадолго до семи, так что, скорей всего, мы успеем обыскать кабинет еще засветло.

В итоге мы так и не посвятили Тибики-сана в наш план. И, конечно, ни бабушке, ни Рейко-саня тоже рассказывать не стал. Может, это влияние Тэсигавары, но меня тоже охватил дух «тайного приключения на каникулах».

В день X мы собрались в кабинете рисовального кружка на первом этаже нулевого корпуса, в западной части. Мотидзуки заранее отпер дверь – он же был членом кружка.

Мы не хотели выделяться, поэтому все трое надели форму. Мы решили, что если наткнемся на учителя, то выкрутимся, сказав, что у нас собрание кружка.

Дождавшись трех часов...

...мы, согласно плану, двинулись на второй этаж.

Поперек и западной, и восточной лестниц были натянуты веревки; посередине на каждой висела картонка с надписью «Проход воспрещен».

Оглядевшись, мы убедились, что поблизости никого нет, и один за другим подлезли под веревку. Потом бесшумно пошли вверх по лестнице, по которой давно никто не ходил.

– Слушай, а в этом старом здании есть какие-нибудь из «Семи тайн Северного Ёми»? – спросил я у Тэсигавары на середине пролета, наполовину в шутку. – Ну, типа, количество ступенек вдруг меняется? Это место просто создано для чего-то такого, ты не находишь?

– Без понятия, – отрубил Тэсигавара. – И мне сейчас накласть на «Семь тайн».

– Ну извини! Когда ты и Кадзами устраивали мне экскурсию по школе, вас это очень интересовало.

– Это было, ну... Слуш, это было, потому что я понятия не имел, как тебе рассказать о нашей тут ситуации. Я старался.

– Хех. Так значит, на самом деле ты не веришь в это все?

– В привидения и проклятья, что ли?

– Ну да. В это.

– Честно – не думаю, что это все существует. За исключением того, что делается с нашим три-три.

– А что насчет предсказаний Нострадамуса? Или ты не говорил, что думаешь, что они сбываются?

– Да каким боком они сбываются?

- Ну ты даешь.
- Если б я реально верил во всю ту фигню, я бы сейчас не парился так сильно из-за наших проблем.
- Логично.
- Самая известная из «Семи тайн» в нулевом корпусе, – вклинился Мотидзуки, – это тайна дополнительной библиотеки.
- Дополнительная библиотека? А что там?
- Будто бы там иногда кто-то тихо стонет. Ты ничего такого не слышал, Сакакибара-кун?
- Нет, не слышал.
- Ходят слухи, что под библиотекой есть замурованная подземная комната. Там спрятаны старые документы с секретами школы и города, которые не должны стать достоянием общественности. И чтобы их охранять, давным-давно вместе с документами там замуровали старого библиотекаря...
- И что, этот тип до сих пор жив в этом своем подвале, и люди его слышат? Или там уже призрак старикана надрывается? – спросил Тэсигавара и фыркнул. – Неплохо для страшилки, но... слушай. По сравнению с «катастрофами», которые у нас сейчас происходят, эти истории звучат просто мило.
- ...Это да.

Мы вышли с лестницы в коридор второго этажа.

Через окна в северной стене вливался солнечный свет, и света было гораздо больше, чем я ожидал. Но по въевшейся грязи и обломкам было заметно, что здесь уже годами никто не ходит и не пользуется помещениями. Пыль на полу, затхлый запах в воздухе – все вместе создавало ощущение заброшенности.

Кабинет, где когда-то занимался класс 3-3...

Третий с западной стороны.

Это Тэсигавара узнал у Кадзами. Он сказал, что Кадзами как безопасник в начале мая ходил туда вместе с Акадзавой и кем-то еще, чтобы принести парту и стул для «несуществующего».

Дверь была не заперта, и мы втроем опасно вошли в кабинет.

Внутри было темнее, чем в коридоре.

Потому что окна в южной стене были занавешены грязными бежевыми шторами. Комнатой не пользовались больше десяти лет. Почему же эти шторы не убрали, а так и оставили висеть? Впрочем, это неважно.

Электричество, видать, отключили – во всяком случае, сколько мы ни щелкали выключателем, свет не загорался. Если бы мы отодвинули шторы, стало бы светлей, но делать этого мы не хотели – вдруг кто увидит и решит добавить еще одну «тайну» к семи имеющимся.

Поэтому...

Мы втроем начали обыск в сумрачной комнате с задернутыми шторами.

Предвидя подобную ситуацию, каждый из нас прихватил с собой фонарик. Я взял еще и рабочие перчатки. Мы поднимали жуткое количество пыли, и Мотидзуки закрыл рот и нос платком.

В первую очередь мы разделились, чтобы обыскать три десятка парт и стульев. Пока я искал, разные ужасные картины сами собой рисовались у меня в голове.

Двадцать шесть лет назад в этом самом кабинете ученики не приняли гибель Мисаки Ёмиямы, «того, кто умер», и целый год обращались с ним как с «тем, кто жив». И из-за этого...

Да, из-за их действий начался необъяснимый «феномен». Сколько всего людей в результате очутились в когтях смерти за двадцать пять лет? Класс 3-3 учился в этом кабинете, он переехал отсюда всего четырнадцать лет назад. Сколько народу здесь умерло?

Вполне возможно, что кто-то лишился жизни прямо в классе, как Кубодера-сэнсэй.

Кто-то мог выпасть из окна и разбиться насмерть.

Или умереть от приступа какой-нибудь болезни прямо во время урока.

Под влиянием этих тоскливых раздумий мне вдруг почудилось, что вот сейчас я сам все больше приближаюсь к смерти. Надо с этим завязывать.

- Прекрати. Не думай, - прошептал я самому себе. Потом остановился на месте, сделал глубокий вдох. В горло попала пыль, и я закашлялся, но это действительно помогло мне избавиться от ненужных мыслей.

Надо сейчас сосредоточиться исключительно на поисках... давай же.

Если исходить из того, что выпускник 1983 года Кацуми Мацунага когда-то что-то спрятал в этой комнате...

Где бы это могло быть?

Я тщательно осматривал парты и стулья, пока до меня не дошло: вряд ли он стал бы прятать «это» здесь. В парте найти «это» было бы слишком легко, чтобы вообще годилось слово «спрятал».

Значит, где-то в другом месте...

Он должен был спрятать «это» там, где оно в конце концов будет найдено, но небыстро.

Я был абсолютно уверен, что Мацунага не стал бы прятать «это» туда, где в принципе никто не сможет найти. Это не стыковалось бы с его желанием «кому-то рассказать».

Стало быть, вряд ли нам, чтобы найти, придется отдиравать паркет или простукивать стены и потолок. Значит...

Я обвел кабинет взглядом. Может, вон там? Я заметил ряды шкафчиков, приделанных к задней стене.

Они назывались «шкафчиками», но на самом деле запирающихся дверок у них не было. Вообще это были скорее деревянные полки размером сантиметров сорок – пятьдесят в ширину и высоту.

Оставив в покое парты и стулья, я подошел к шкафчикам. Тэсигавара и Мотидзуки вскоре тоже встали рядом со мной, видимо, угадав мои мысли.

- Думаешь, это здесь? – спросил Мотидзуки.

- Не знаю, – ответил я, склонив голову набок. – Давайте их все обшарим, тогда узнаем. Сзади могут быть какие-нибудь тайнички.

- Точно. Ну тогда...

Однако наши труды оказались напрасными. Мы обшарили все до единого шкафчики, но не нашли ничего хоть чуть-чуть похожего на то, что искали.

- Где тут еще можно что-то спрятать?

Я снова оглядел сумрачный кабинет. И наконец заметил кое-что.

Шкафчик с принадлежностями для уборки в углу комнаты.

Старый деревянный (как и стенные) шкафчик высотой метра два. Что там внутри? Вот уж куда люди обычно не заглядывают...

Я поспешил к шкафчику и потянул на себя высокую узкую дверцу с черной стальной ручкой. Внутри была пара метел, совок, ведро и тряпка. Старые, абсолютно непримечательные уборочные принадлежности, оставленные в таком виде давным-давно.

Без колебаний я выгреб это все наружу и втиснулся в узкий шкафчик. Потом посветил фонариком над головой.

Как только я увидел это, у меня вырвалось:

- ...Вот это... оно?

- Что там, Сакаки? Нашел что-нибудь? – спросил Тэсигавара, подбежав ко мне.

- Вон там...

Я протянул вверх руку, встав на цыпочки.

Что-то было прикреплено к потолку шкафчика черной клейкой лентой.

- Там что-то есть. Пока не пойму, что именно.

Лента, усердно намотанная в несколько слоев, крепко удерживала предмет. Взяв фонарик в зубы, я потянулся обеими руками и принялся отдирать это от потолка.

И вот –

После долгих усилий я оторвал это и вылез из шкафчика. Сил я затратил немного, однако дышал сбивчиво, и все мое лицо залил пот.

- Что это?

- К потолку было приклеено. Вряд ли кто-то мог это заметить, если бы не забрался в шкафчик, как я сейчас.

- Скорей всего.

- Интересно, что там.

Штука, которую я вытащил, сама была завернута в несколько слоев клейкой ленты. Но эта лента была не черная, а коричневая, матерчатая.

Какого размера то, что внутри? Пожалуй, если снять всю ленту, то, что останется, будет немного меньше карманной книжки.

Мы отошли к ближайшей парте и положили это на нее. Проблема номер один - избавиться от дикого количества ленты.

- Эй, тормозни, - сказал Тэсигавара. - Тут на ленте что-то написано.

- Что?

Сдерживая нетерпение, я снова взял фонарик и осветил на это. Пришлось как следует взглядеться, но... вот оно.

На коричневой ленте красным маркером были написаны слова. Надпись не смазалась, когда я отдираю это от потолка шкафчика, крепко держась за намотанную ленту... видимо, потому что была изначально обращена к потолку.

Тем кто после нас

столкнется с необъяснимыми бедами ...

Вот все, что мы смогли разобрать. Почерк был неряшливый, закорючки какие-то.

- Бинго, - Тэсигавара щелкнул пальцами. - Это точно тот Мацунага написал.

Мы решили приступить к работе немедленно. Аккуратно убрать ленту, которой было щедро обмотано это, оказалось непросто. Несколько минут усилий - и мы наконец увидели, что это...

Аудиокассета. Неподписанная 60-минутная кассета TDK, перемотанная на начало.

7

Прихватив найденную кассету, мы слиняли из запретной зоны и вернулись в кабинет кружка живописи. Был уже шестой час вечера. Я аж обалдел, когда увидел, как много времени прошло.

- У вас тут есть кассетник? - спросил Тэсигавара у Мотидзуки.

- Здесь нет, - покачал головой Мотидзуки. Тэсигавара запустил руки в свою пыльную крашеную шевелюру.

- Нам надо как минимум прослушать эту штуку. Но блин - кассета?

- Пятнадцать лет назад минидисков еще не было.
- Ну, это да, но... хмм. У меня дома, кажется, кассетника нету.
- У меня есть, - сказал Мотидзуки. - А у тебя, Саакибара-кун?
- Понятия не имею...

Единственным моим персональным аудиоустройством был портативный плеер, который я взял с собой из Токио, и он умел только воспроизводить минидиски. Я никогда не видел, чтобы бабушка с дедушкой слушали что-либо, кроме телевизора. Не удивлюсь, если у Рейко-сан найдется кассетник, но...

- Значит, к Мотидзуки, - решил Тэсигавара.
- Ладно, - кивнул Мотидзуки, но тут же спохватился: - Ой, нет... смотрите.

Аккуратно взяв кассету в руки, он показал ее нам.

- Смотрите. Плохо видно, но все равно. Видите? Пленка порвана.
- Блин...
- Да, ты прав.
- Она, скорее всего, приклеилась к ленте и порвалась, когда мы ее снимали.
- Бррр.
- И что теперь?
- Так она играть не будет.
- Ты серьезно?
- Почему вообще этот хрен не убрал кассету в коробку, прежде чем замотать лентой? Загадка.

Тэсигавара скорчил сердитую гримасу и снова вцепился руками в волосы. Пение цикад в школьном дворе за окном, все это время звучавшее фоном, вдруг показалось каким-то угрожающе громким.

- Что же делать? - нетерпеливо спросил Тэсигавара, однако ответ Мотидзуки прозвучал спокойно:
- Думаю, мы сможем послушать, если склеим пленку.
- Э? А ты сможешь?
- Это должно быть не очень трудно.
- О. Круто, ну тогда оставляем пленку на тебя.
- Тебя это не сильно напряжет? - спросил я, чтобы дать Мотидзуки шанс отказаться.

Он торжественно кивнул:

- В любом случае я попытаюсь. Ну, правда, это может занять какое-то время.

Мы покинули кружок живописи и вместе вышли за ворота школы.

Быстро вечерело, небо на западе начало приобретать багровый оттенок. Оно было потрясающе ярким, и, казалось, ничего прекраснее на целом свете нет и быть не может. Меня охватила легкая грусть, на глазах чуть не проступили слезы. В прошлом году во время летних каникул я и подумать не мог, что годом позже буду участвовать в таком «приключении».

Потом мои мысли оказались прерваны...

Дойдя до автобусной остановки, мы вдруг услышали вдалеке пронзительный вой. Это перекрикивались сирены «скорой» и полиции.

- Похоже, там какая-то авария.

- ...Наверно.

- Надо быть осторожнее.

- Да уж.

Вот все, что мы сказали друг другу.

8

Я узнал новости перед обедом на следующий день, 31 числа.

«Смерть Ацуси Огуры (девятнадцать лет, безработный)».

Говорили, что, закончив местную старшую школу, он не устроился на работу, а целыми днями безвылазно сидел дома. Полагаю, он был одним из так называемых хикикомори[1] - молодых людей, о которых в наши дни так много говорят.

30 июля в 17.26.

Большой автокран, закончивший работать неподалеку от дома Ацуси Огуры, неожиданно потерял управление и врезался в дом. Здание развалилось; в том числе обрушилась комната на втором этаже, где в уединении жил Ацуси. Она выходила на улицу, и стрела автокрана врезалась прямо в нее. Ацуси получил множественные травмы, самая тяжелая из которых - раздробленный череп. Еще до рассвета 31 числа он испустил последний вздох в больнице, куда его доставили.

Проблему представляла его фамилия, «Огура».

В классе 3-3 Северной средней школы Йомиямы училась девчонка с такой фамилией. Ацуси Огура, скончавшийся в результате этого несчастного случая, приходился ей родным братом. Третья «жертва июля» - после Кубодеры-сэнсэя и его матери.

[1] Хикикомори - распространенное в последние годы социальное явление в Японии: люди, отказывающиеся от общественной жизни и стремящиеся к крайней степени изоляции.